УМСТВЕННЫЙ ВЗОРЪ

на протекшія лѣта моей жизни отъ колыбели и до гроба (1778—1825 г.).*)

Помянухъ дни древнія и поучихся
Псал. 142 ст. 5.

Вся природа старѣется, измѣняется; — **) всякая вещь умаляется и уничтожается. Теперь совсѣмъ не то, что было за два, или за три вѣка;—не тѣ люди, и не тѣ вещи.—Не тѣ люди, какъ были прежде, т. е. постоянные, добрые, простосердечные, гостепріимные... Не тѣ вещи; не то изобиліе плодовъ земныхъ. Нѣтъ даже того благорастворенаго воздуха, коимъ они дышали. Это доказываетъ и ежедневный опытъ, и здравый разумъ, что время все пожираетъ, быстро летитъ, и никогда къ намъ не возвращается. Не такъ скоро летитъ стрѣла, пущенная изъ лука; медленно во время бури пробѣгаетъ молнія отъ востока и до запада, тихо плыветъ корабль, пущенный на всѣхъ парусахъ по зеркальной поверхности бездоннаго океана: жизнь наша летитъ скорѣе стрѣлы, быстрѣе молніи, стремительнѣе корабля! Давно ли я, брен-

---

*) Автобіографія Александра Михаилова, діакона церкви святителя Николая, въ Толмачахъ, а потомъ священника Николо-Голутвинской церкви. Сообщилъ отецъ діаконъ Флоро-Лаврской, на Зацѣпѣ, церкви Руфъ Іоанновичъ Соловьевъ.

**) Вся, яко риза, обетшаютъ, и яко одежда, измѣнятся.

ный и слабый человѣкъ, получилъ жизнь отъ всещедрой руки Творческой; давно ли солнце и луна попеременно начали изливать на меня благотворные лучи свои,—и уже сорокъ два года промчались надъ главою моею; *) сорокъ два раза покрывалась земля, то душистою зеленью, то глубокимъ снѣгомъ... Давно ли ты, любезное *Назарьево* **) было моею колыбелью. Струи чистаго и прохладнаго ручейка твоего, очень скоро и непримѣтно журча по мелкимъ камушкамъ, катится въ широкую рѣку. Такъ, они ясно изображаютъ теченіе юныхъ дней моихъ, кои давно уже погрузились въ океанѣ вѣчности!!!.

Тамъ, на вершинѣ горъ крутыхъ,
Среди кустарниковъ густыхъ,
Межъ коими ручей сребрится,
За нимъ долина ровна зрится—
Стоитъ Назарьево село
Которое меня на свѣтъ произвело.
Живя одинъ въ немъ годъ,
Млекомъ лишь матернимъ питался,
Не зналъ я никакихъ хлопотъ,
И ею только утѣшался...
Забава—для дѣтей стихія—
Улыбка—краситъ дни младыя.

И я старѣюсь, ѣдкое и всепожирающее время провело уже нѣсколько морщинъ на челѣ моемъ, вырвало четыре зуба во рту моемъ и надѣло на носъ очки, а золотая борода моя начали осребряться сѣдиною.

Первый періодъ моей жизни.

Начало сей бренной жизни моей получилъ я отъ простосердечныхъ и попечительныхъ родителей моихъ Михайлы Космина и Ѳеодосіи Іоанновой, въ 1778 году. Отецъ мой

*) Я родился 1778 года. (Слѣдов., написанное, должно отнести къ 1820 году).

**) Село *Назарьево* Звенигородской округи отъ Москвы въ 40 верстахъ по Боровской дорогѣ въ правую сторону, въ коемъ я родился.

былъ дьячкомъ въ селѣ *Назарьевѣ*; семейство и бѣдность заставили ихъ снискивать себѣ и дѣтямъ пищу неусыпными трудами. День и ночь занимались они, одинъ древодѣліемъ, а другая пряжею, тканьемъ и всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, и пятерыхъ дѣтей: *Ивана*, *Димитрія*, *Андрея*, *Василія* и меня *Александра* воспитывали и учили. Бѣдность не порокъ, она даже не сдѣлала имъ ни малѣйшаго препятствія содержать Димитрія и Андрея въ семинаріи и послѣднюю копѣйку, послѣдній кусокъ хлѣба съ ними дѣлили...

Терпѣніе и трудъ все преодолѣваетъ; труды самъ Богъ вознаграждаетъ. Щедро вознаградилъ Небесный Отецъ и нашихъ чадолюбивыхъ родителей. Онъ опредѣлилъ родителя моего во діакона, въ городъ Воскресенскъ *) въ 1781 году къ Вознесенской церкви. И мы изъ уединенной и мирной хижины, къ коей ни пронырство, ни зависть, ни пышность, ни гордость никогда не прокладывали слѣда, перешли въ шумное общество; подобно маленькимъ рыбкамъ, выплыли изъ такого ручейка въ широкую рѣку, гдѣ большая рыба всегда поглощаетъ малую... *Но аще Богъ по насъ, кто на ны?* Богъ вывелъ древняго израиля изъ работы Египетскія въ землю обѣтованную; освободилъ и моихъ родителей отъ неутомимой работы, едва доставлявшей имъ пропитаніе,— и ввелъ въ обѣтованное мѣсто, украшенное разительными картинами премудрой и щедрой природы: здѣсь разстилаются пространныя поля, волнующіяся тучными и златыми класами; тамъ распростерты зеленобархатные луга, изпещренные разными душистыми цвѣтами, на коихъ рѣзвыя бабочки и мотылечки, летая вмѣстѣ съ легко-крылатыми зефирами, разносятъ всюду душистые ароматы. Вдали кудрявыя, березовыя рощи манятъ утомленнаго путника подъ прохладную тѣнь свою; хоръ пернатыхъ вмѣстѣ съ нѣжными нимфами раздается въ лугахъ и лѣсахъ. Нескромное эхо разноситъ повсюду стройную и пріятную ихъ мелодію. Быстро-

*) Отъ Москвы въ 46 верстахъ.

текущая рѣка *Истра* омываетъ бѣлокаменныя стѣны Воскресенско-Ново-Іерусалимскаго монастыря, гордыя башни пристально смотрятся въ кристальной поверхности ея.

Огромный и величественный храмъ Спасителя нашего Іисуса Христа посребренною главою своею касается облаковъ; не одна, а многія сотни искусныхъ художниковъ цѣлое почти столѣтіе его сооружали *). Сіе чудесное зданіе есть совершенная копія съ храма Господня въ старомъ Іерусалимѣ. Пяти-этажный шатеръ, возвышающійся надъ Гробомъ Господнимъ, есть рѣдкій и чудный фонарь снаружи обитый бѣлою жестью, а внутри украшенный древнею живописью и по мѣстамъ приличными лѣпными фигурами. Сей великолѣпнѣйшій и во всей Россіи единственный монастырь вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 50 престоловъ... много иноковъ, посвятившихъ жизнь свою на служеніе Богу!!! Подлинно—они избрали благую часть, которая *никогда отъ нихъ не отъимется.*

При входѣ во храмъ съ южной стороны на стѣнѣ съ лѣвой стороны вырѣзана слѣдующая надпись:

На Истрѣ Воскресенскъ въ Россіи знаменитъ,
И Новымъ свѣтъ его Ерусалимомъ чтитъ,
Зря въ немъ подобіе того святаго храма,
Въ которомъ Божій Сынъ, спасая родъ Адама,
Торжественно воскресъ отъ гроба яко Богъ,
И земнороднымъ всѣмъ явилъ щедротъ залогъ.
Читатель!—посѣтя святыя здѣсь мѣста,
Почтишь любовію ты Самого Христа.

Позади монастыря **) на западной сторонѣ среди зеленой березовой рощи, подъ тѣнію развѣсистыхъ столѣтнихъ вязовъ, куда дерзкая нога суетнаго міролюбца не смѣетъ проложить слѣда, находится пустыня великаго подвижника Божія — патріарха Никона, коего неусыпнымъ тщаніемъ и ревностію все сіе огромное зданіе, по примѣру Іерусалим-

*) Въ шатрѣ, что надъ гробомъ Господнимъ, въ 3-мъ ярусѣ окошекъ на восточную сторону написано златыми буквами. *Начало* 1577 года *совершенъ* 1677 году.

**) Въ окружности коего около 2-хъ верстъ.

скаго храма основано и болѣе половины выстроено. Нельзя не подивиться, какъ сей великій мужъ вмѣщался въ столь тѣсной и мрачной ущелинѣ?—Какъ сей свѣтильникъ Церкви Россійскія — горѣлъ *подъ спудомъ*?— Но онъ твердо былъ увѣренъ, что тѣснымъ путемъ жизни сей подобаетъ внити въ пространный Небесный Чертогъ, и что сквозь мракъ временный, удобнѣе можно узрѣть свѣтъ невечерній Трисіятельнаго Божества... Священный прахъ сего ревностнаго пастыря Церкви хранится въ соборномъ храмѣ,— подъ горою Голгоѳою. Многія словесныя овцы и нынѣ со благоговѣніемъ и усердіемъ покланяяся ему говорятъ:

Миръ праху твоему — святѣйшій патріархъ!

Богъ наградитъ труды твои на небесахъ!!!

Сей земный Іерусалимъ подобно Іерусалиму небесному восхищаетъ духъ и сердце всякаго вѣрнаго христіанина,—и истинные поклонники, усердные посѣтители,—стоя въ семъ величественномъ храмѣ,—*на небеси стояти мнятъ*.

Среди сихъ разительныхъ и прекрасныхъ мѣстъ, какъ бы весною среди зеленыхъ и душистыхъ садовъ алая роза, восемь лѣтъ, какъ восемь дней, юная жизнь моя неувядаемо процвѣтала. Что день, то новыя забавы, что часъ, то другія увеселительныя занятія... А особливо когда выйду я на улицу, то милые, незлобивые и рѣзвые друзья мои и сверстники всегда меня окружали и дѣлали всякой свое: тотъ говоритъ, этотъ поетъ, одинъ вертится, другой прыгаетъ... Какъ теперь помню, я имъ сказывалъ тогда сказочку о Алибегѣ, которой, будучи въ злато-тканной одеждѣ, въ величественной коронѣ, съ драгоцѣннымъ скипетромъ,—плакалъ объ прежнемъ своемъ раздранномъ рубищѣ, о соломенной шляпѣ, о волшебной свирѣли, и о пастушескомъ своемъ посохѣ, которые у него заперты были въ кладовой. А они мнѣ загадывали загадки: Что дороже золота?—*добродѣтель*. Что свѣтлѣе солнца?—*правда*. Затѣйливый и смѣшной Вася, прыгая на одной ножкѣ, пѣлъ пѣсню:

У насъ все утѣхи—у малыхъ дѣтей,
Игрушки и смѣхи и много затѣй.

Ахъ! Никакъ не выразишь всѣхъ тѣхъ сердечныхъ движеній! Ни за что не купишь тѣхъ удовольствій, которыя тогда лились рѣкою въ юное мое сердце! Никогда не воротишь тѣхъ протекшихъ золотыхъ часовъ жизни моей! *) Нигдѣ, казалось мнѣ, не увидишь окрестностей лучшихъ *Воскресенска.*

Мѣста, священнѣйшія въ мірѣ,
Вамъ благодарность воздаю,
На слабой и не стройной лирѣ
Пѣснь благодарную пою.
Вы возлелѣяли, вскормили,
Меня во юности моей,
Утѣхи, радость въ сердце лили
Я былъ счастливѣй всѣхъ людей...
Но счастье скоро премѣнилось,
Нахмурило свое чело,
Ко мнѣ спиною обратилось,
Сквозь бурю бѣдствій повело...
Такъ!—Наша жизнь есть бурно море,
Кто бѣдствій въ немъ не испыталъ?
Кого не убивало горе?
Кто слезъ не лилъ и не страдалъ?

И я на утренней зарѣ дней моихъ, какъ бы проснувшись отъ сна утѣхъ, долженъ былъ уже пить чашу горести; я только взглянулъ на свѣтъ **), а любезнѣйшая моя мать закрыла ясныя очи свои на вѣки ***). (1790 года мая 7 дня). Я только началъ жить, а она скончала дни свои.— Тутъ-то начались для меня дни горести и несчастія.

Кто не былъ сиротою,
Тотъ нужды не видалъ;
Съ слезами и тоскою
Безъ ужина не спалъ.

---

*) Время проходитъ, время летитъ,
Время проводитъ, все что ни льститъ...

**) Ибо мнѣ не болѣе было 7-ми лѣтъ.

***) 33-хъ лѣтъ окончила бѣдственную и горестную жизнь свою— и погребена противу олтаря у деревянной церкви *въ Воскресенскѣ.*

Четыре брата мои: Иванъ, Димитрій, Андрей и Василій были старше меня, а я пятый,—старше сестеръ: Ѳедосьи и Авдотьи. Всѣ старшіе братья жили въ Москвѣ, и трое обучались въ академіи.

А сестеръ обѣихъ взяли дѣдушка Косма Ѳеодоровичъ и бабушка Аграфена Кирилловна. Итакъ я одинъ пособлялъ отцу своему оплакивать безцѣнную потерю нѣжной супруги и матери... Мы вмѣстѣ съ нимъ дѣлили горе. Я плакалъ въ горсть, а онъ въ пригоршни... Восходящее и заходящее солнце всегда заставало насъ. погруженныхъ въ глубокой печали и мрачномъ отчаяніи. Впрочемъ ему болѣ доставалось бороться со скукою, лишась любезнѣйшей подруги. А я, по слабости ума своего, то поплачу, то посмѣюсь;—бывали такіе часы, что и нужды нѣтъ, что матери нѣтъ,—шары и кубари, бабки и санки разсѣвали всю мою скуку,—я бѣгалъ шибче шара и вертѣлся скорѣе кубаря, всякая бездѣличная игрушка казалась мнѣ дороже куска золота: *дитя, когда забавы много будетъ, тогда отца и мать забудетъ.* Забылъ незабвенную мать свою; забылъ, что при ней ходилъ въ бѣлой рубашечкѣ, съ причесаной головою, и теплъ и сытъ; а безъ нее много увидѣлъ я горя: голодъ и холодъ, чернота и неопрятность болѣе всѣхъ встрѣчались со мною. Едва наступилъ мнѣ 10 годъ, то въ десятеро стала тяжелѣе участь моя. Послѣ смерти матери жила съ нами тетка, а потомъ отъ насъ уѣхала. Не было уже при насъ никакого родства, ни прислуги — и я поневолѣ долженъ былъ самъ учиться готовить себѣ и отцу своему кушанье: топить печь, смотрѣть за домомъ, ходить за скотиною; лошадь, корову и 5-ть овецъ должно мнѣ напоить и накормить. Лѣтнею порою должно было мнѣ смотрѣть за двумя огородами, полоть и поливать когда нужно; корову доить, лошадь запрягать, словомъ всѣ мелочныя домашнія дѣла, какія хорошая кухарка можетъ ли править, я одинъ отправлялъ и давалъ во всемъ отчетъ своему родителю. Тутъ-то я узналъ участь сиротства!!!

Скучно, грустно сиротами
Оставаться съ юныхъ дней.
Спать ложися со слезами,
Да и встанешь—слезы лей!..

Смерть безжалостна сразила
Роковой своей косой
Ту, которая вложила
Душу, сердце, образъ свой.

Мать въ сырой землѣ зарыта,
Мать, любезная моя!
Гробовой доской покрыта,
Не увижусь вѣчно я!

Ты, которая носила
Въ чревѣ матернемъ меня;
Ты навѣкъ глаза закрыла,
Не увидишь ясна дня.

Ты закрыла ясны очи,
Погрузилась въ вѣчный сонъ,
Я не знаю дня и ночи,
Издаю лишь тяжкій стонъ.

Кто покличитъ, приголубитъ,
Сашу—*Милымъ* назоветъ?
Больше матери кто любитъ.
Ахъ! ея на свѣтѣ нѣтъ!!!

Не столько черная и дымная изба наша, сколько жестокая грусть ѣла глаза мои. Два большіе огорода наполнены были разнаго рода овощами и цвѣтами, впрочемъ не могли разсѣять и прогнать скуку мою. Всякій плодъ былъ для меня горекъ, всякой цвѣтъ не красивъ и не душистъ. Нѣтъ того благотворнаго солнца которое бы все это живило, питало и согрѣвало.— Нѣтъ родимой матери! Родитель мой имѣлъ охоту водить овецъ. Невинныя, незлобивыя и кроткія ягнятки, играя и прыгая около матерей своихъ, подходили нерѣдко и ко мнѣ, ласкались около меня и лизали мои руки... «Вотъ благодарныя животныя!» сказалъ я имъ, гладя ихъ курчавую и мягкую шерсть. «Вы цѣлуете руку, дающую вамъ пищу и сколько можете, благодарите меня за

мое объ васъ попеченіе! Вы сто разъ счастливѣе меня! Вы при матеряхъ своихъ, а я одинъ—*весь день—брожу какъ тѣнь.*»

Благодареніе Богу! въ это время отъ дѣда привезли ко мнѣ сестру *Ѳедосью Михайловну*, чтобы у меня учиться ей всему домашнему дѣлу, и послѣ ей уже остаться, какъ говорилъ попечительный нашъ родитель, хозяйкою въ домѣ,—а меня отдать въ школу, въ науку,—въ другую муку... Теперь насъ стало *двое*, сказалъ я новой своей *Камрадкѣ*. Мнѣ 12, а тебѣ 8 лѣтъ. *Эти двое—что твой одинъ.*— Учитель глупъ, ученица глупѣе! Много, очень много случалось у насъ и непріятнаго; я, уча ее, отъ нетерпѣливости бранился съ нею и дрался,—но эту брань и драку прошу ее простить и позабыть. И какъ я прежде ее горячо любилъ, такъ и до гроба моего буду любить. *Прощеніе лучше мщенія. Солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ нашемъ.* Года съ полтора мы съ нею жили въ домѣ родительскомъ, потомъ осталась она одна бороться со скукою и одиночествомъ: ибо родителя нашего всегда почти не было дома; крестьянская изба, въ которой мы жили, стояла отъ церкви очень далеко,—за большимъ оврагомъ, на большой Волоколамской дорогѣ. А потому ему къ должности являться было очень неудобно. А сія десятилѣтняя хозяйка одна въ большой длинной избѣ должна сидѣть, за всѣмъ домомъ смотрѣть, готовить кушанье, обшивать и обмывать. О! Чего не заставитъ испытать бѣдность и сиротство! Счастливъ тотъ, кто изъ несчастій другихъ могъ научиться;—а мы съ нею всѣ несчастія сами на себѣ испытали!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

УМСТВЕННЫЙ ВЗОРЪ

на протекшія лѣта моей жизни отъ колыбели и до гроба (1778—1825 г.).*)

Второй періодъ жизни моей.

На второй недѣлѣ св. великаго поста (1794 года) отданъ я былъ въ Московскую Академію, въ Заиконоспаскомъ монастырѣ еще бывшую, приняли меня въ низшую информаторію. Темнота, духота, сырость, шумъ, крикъ и свистъ въ классѣ поразили мои чувства! вскружили голову и приводили въ недоумѣніе. Къ счастію моему скоро пришелъ учитель Яковъ Андреевичъ Некрасовъ, и ученики вдругъ всѣ бросились по мѣстамъ, какъ мыши по норамъ, и меня посадилъ онъ такъ же на мѣсто. Ни писать отъ темноты, ни читать отъ шума, ни дышать отъ сырости никакъ невозможно! Да и квартира моя похожа была на школу очень много. Темна, сыра, тѣсна,—въ Златоустовѣ монастырѣ за колокольнею вмѣстѣ со *штатными*. А пища,—капуста сырая, лукъ и квасъ, пшенная каша. Вотъ вся пища наша!— Отъ сей то перемѣны въ первый разъ я узналъ болѣзнь—*лихорадку*, которая продолжалась почти во все лѣто. Жилъ уже я тогда опять у отца въ Воскресенскѣ, а ученіе оставилъ. По выздоровленіи моемъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ я опять

---

*) Продолженіе. См. октябрьскую кн. *Душепол. Чтенія.* 1894 г.

остановился жить въ томъ же монастырѣ.—А братъ мой Димитрій Михайловичъ, впослѣдствіи священникъ у Николы въ Дорогомиловой слободѣ взялъ меня подъ особенное свое покровительство, ибо онъ жилъ въ оном же монастырѣ у отца архимандрита Порфирія, и училъ питомца Ивана Васильева,—и такъ я изъ рукъ отцовыхъ отданъ былъ на руки къ сему брату; онъ смотрѣлъ за мною, училъ меня, водилъ въ баню и обмывалъ меня.—За сіе по отцѣ моемъ ему первая моя и сердечная благодарность.... По смерти сего Архимандрита перешелъ онъ въ Высоко Петровскій монастырь къ живущимъ тамъ ученикамъ въ инспекторы, и меня перевелъ съ собою жить въ оный же монастырь. Къ Рождеству Христову (1795 года) перевели меня во вторую бурсу, къ учителю Никитѣ Никитичу Лебедеву. Онъ былъ у Ипатія священникомъ. Черезъ треть перевели меня въ Фару, къ учителю Ивану Евдокимовичу Попову. Потомъ (1796 года) переведенъ въ Грамматику къ Андрею Петровичу. *) Просидѣвши въ Фарѣ полгода, а въ Грамматикѣ годъ, выведенъ въ Синтаксію къ уч. Петру Дмитріеву Борисову. Въ это время братъ мой Димитрій М. окончивши курсъ вышелъ во діакона къ Пятницѣ Божедомской, что на Пречистенкѣ, и я къ нему переѣхалъ жить. Онъ хотя женился, но ни мало ко мнѣ не перемѣнился: отдалъ мнѣ всю свою одежу студенческую и постелю, да наградитъ его Господь Богъ одеждою нетлѣнною, да введетъ его во обитель небесную, въ жилищѣ святыхъ за то, что онъ пріютилъ меня въ своемъ домѣ...

Все бы было хорошо, да только родство женнино, съ коимъ онъ долженъ былъ по условію жить вмѣстѣ, дѣлало мнѣ великое оскорбленіе и посмѣяніе. Но и это было на пользу, потому что предохраняло отъ прочихъ грѣховъ и пороковъ, научало терпѣнію и искусству переносить все горестное и скорбное....

---

*) Въ послѣдствіи онъ былъ священникомъ у Благовѣщенія на Тверской.

Преблагій Промыслъ Божій вызвалъ меня изъ дому брата моего—въ домъ чужой, незнакомый,—и я съ полными слезъ глазами простился съ роднымъ братомъ-отцомъ.... Взявши свое все движимое имѣніе, т. е. сундучишка и войлочишка подъ пазуху, пѣшкомъ переѣхалъ въ барскій домъ,—въ томъ же приходѣ находящійся, къ госпожѣ Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ Апачининой, *) которомъ полюбила меня за чтеніе въ церкви, и взяла учить пріемыша, крестьянскую дѣвочку Парасковью Евдокимову, **) грамотѣ и писать. Чего не дѣлаетъ нужда и бѣдность!—Самому надобно много учиться,—а принужденъ другихъ учить;—и притомъ учить упрямую.... Только скуку мою и досаду прогоняла добродушная, человѣколюбивая и сердобольная та барыня Апачинина, *помяни ее Господи! во царствіи Твоемъ!* Она мнѣ была почти вторая мать! Давно сердце мое сиротѣло, давно не вкушало материей любви, ласки и милости!!! Я училъ грамотѣ ея упрямую питомку, а она меня научили всѣмъ правиламъ добродѣтели, честности и послушанія. Крѣпко врѣзаны въ сердцѣ моемъ сіи благіе совѣты ея: «Алексаша! Береги платье снову, а честность смолоду.—Смиреніе для юныхъ дѣтей ожерелье.» Бечеромъ какъ я приду изъ школы, она спроситъ меня, здоровъ ли я, что дѣлали въ школѣ? Потомъ велитъ напоить меня чаемъ и накормить.... Если за одну каплю студеной воды обѣщаетъ Богъ награду,—то безъ сомнѣнія не оставлена будетъ безъ награды сія благотворительная душа за безчисленныя ея ко мнѣ благодѣянія.... Подъ мирнымъ кровомъ ея, какъ подъ прохладною тѣнію лилія, два года цвѣла затѣйливая юность моя;—сіи два года, какъ два часа, быстро промчались надъ главою моею и погрузились въ безбрежномъ океанѣ вѣчности....

---

*) Она уже умерла въ 1812 году и положена въ Симоновѣ Монастырѣ.

**) Въ замужествѣ за Степаномъ Лебедевымъ, который теперь въ иностранной коллегіи подполковникъ и кавалеръ.

***) Былъ въ Елоховѣ священникомъ, и умеръ въ 1812 году.

Въ это время перевели меня въ Поэзію къ тому же учителю Петру Борисову, который дѣлалъ мнѣ не малое притѣсненіе,—но прости ему Господи! вся согрѣшенія его, и я забылъ всѣ обиды, отъ него причиненныя. Въ этомъ классѣ сидѣлъ я два года, и уже при другомъ учителѣ Алексѣѣ Ивановѣ перешелъ въ Реторику къ Саввѣ Николаевичу, который очень мало побывши былъ постриженъ въ монахи, нареченъ Симеономъ *) и взятъ въ Лавру,— а вмѣсто его присланъ іеромонахъ Мисаилъ **).

Едва только началъ я забывать потерю родной матери моей, живя у сей благодѣтельной госпожи-второй матери, едва сердце мое начало отверзаться къ радостямъ, какъ вдругъ,—о рокъ жестокій!—лишился я роднаго отца (1800 года 19 мая). Отецъ былъ чадолюбивый и попечительный, но бѣдный по многочисленности семейства.

Пять сыновъ и двѣ дочери, какъ пять орловъ и двѣ горлицы, слѣтѣлись омыть горячими слезами почтенный прахъ родительскій, дать ему послѣднее цѣлованіе и по долгу христіанскому отпѣвши предать его сырой землѣ. Четыре старшихъ сына несли гробъ его, я меньшій шелъ впереди съ образомъ, а дочери, сродники и знаемые, идя позади проводили до могилы ***) и пропѣли ему *вѣчную память*. Память сего незабвеннаго отца останется глубоко начертанною въ сердцахъ не однихъ дѣтей, но и дѣтей ихъ дѣтей и передастся позднему потомству... Почтенный прахъ сей смѣшался съ прахомъ супруги своей—нашей матери. Спите и почивайте безцѣнные виновники бытія нашего въ объятіяхъ сырой земли до радостнаго утра,—спите, пока не вострубитъ труба страшнаго дне суднаго.—Вострубитъ бо *и тлѣнное сіе—облечется въ нетленіе,—мертвенное — облечется въ безсмертіе...*

---

*) Онъ былъ послѣ Ярославскимъ архіепископомъ.

**) Взятъ былъ въ С.-Петербургъ и тамъ скончался.

***) Погребенъ при деревянной Вознесенской церкви противъ алтаря, вмѣстѣ съ супругою. Оная церковь уже сломана.

Не на большихъ и хладныхъ каменіяхъ златыми буквами, рукою художника изсѣчены имена сихъ добрыхъ и незабвенныхъ родителей; но на благодарныхъ сыновнихъ сердцахъ глубоко врѣзаны имена: Михаила Космича и Ѳеодосіи Іоанновны.—Имена сіи всегда пребудутъ *во благословеніи,—и память ихъ въ родъ и родъ...* *)

Но за сиротами всегда особенно назираетъ Богъ... Сестру мою Ѳеодосью Михайловну за ея терпѣніе наградилъ Богъ хорошимъ мужемъ и послушными дѣтьми, о воспитаніи коихъ прилагали они все свое стараніе. И мнѣ Премудрый Промыслъ Божій послалъ великую и богатую милость свою: въ городѣ Волоколамскѣ при соборѣ опросталось діаконское мѣсто; братъ Андрей Михайловичъ забралъ мнѣ (я былъ уже въ риторикѣ) заручное прошеніе во діакона, съ тѣмъ, чтобы взять мнѣ у тамошняго протоіерея Василія Ѳеодорова дочь Авдотью Васильеву въ замужство. Съ симъ прошеніемъ самъ протоіерей, пріѣхавши въ Москву, пошелъ со мною подавать оное къ митрополиту Платону въ *Черкизово*, ибо онъ тамъ лѣтомъ жилъ; однако онъ отъ владыки не получилъ желаемаго, и съ большимъ гнѣвомъ былъ высланъ вонъ, со словами (какъ я самъ слышалъ): «Я твоей дочери не сватъ, какъ ты смѣлъ объ этомъ упоминать въ просьбѣ, и зачѣмъ ты сего ученика отвлекъ отъ школы?» И посмотрѣвши на меня, сказалъ: «онъ учиться можетъ.» Я поклонясь ему до земли, осмѣлился объясниться, что по моему сиротству никакого не имѣю средства къ содержанію для продолженія наукъ; «просись на казенной коштъ»! отвѣчалъ мнѣ мудрый пастырь;—я просился, отвѣтствовалъ ему томнымъ голосомъ,

---

*) На прахѣ ихъ положенъ былъ камень съ надписью, но при постройкѣ колокольни каменной употребленъ въ дѣло.

На камнѣ была слѣдующая надпись:

Возстань любезнѣйшій родитель!
Возстань изъ нѣдръ земли сырой!
Кто будетъ намъ благотворитель?
Кто будетъ намъ отецъ другой?...

но мнѣ отказали, что нѣтъ мѣста празднаго;—не благоволите ли преосв. владыко! въ городѣ Воскресенскѣ послѣ родителя моего предоставить за мною до окончанія курса діаконское мѣсто?—«Хорошо! подай просьбу»? сказалъ благосклонный нашъ покровитель.—Просьба была у меня на случай готова, и я получилъ отъ него тутъ же милостивую резолюцію такую: «предоставить діаконское мѣсто, ежели священникъ согласенъ будетъ.» *) Священникъ, Г. Волковъ согласился и давалъ мнѣ ежегодно на содержаніе по сороку рублей, сіе жалованьемъ служило мнѣ до окончанія курса. Вѣчная память нашему отцу и архипастырю митрополиту Платону! Пока жизнь моя продолжится; до тѣхъ поръ въ благодарномъ сердцѣ моемъ сіе благодѣяніе не будетъ забвенно **).

Риторика.—Классъ самый важный и для наукъ весьма нужный; въ оном классѣ сидѣлъ я четыре года. Кромѣ отъ предоставленнаго мѣста доходу помоществовали мнѣ и два брата: Димитрій и Андрей Михайловы; всегда давали мудрые совѣты и отеческія наставленія быть прилѣжнымъ въ наукахъ и честнымъ во всѣхъ поступкахъ. Если бы сіи двѣ благодѣтельныя руки не поддерживали слабую и на все удобопреклонную юность мою, то можетъ быть пылкія страсти мои и необузданная воля увлекли бы меня, подобно блудному сыну, *на страну далече*,— далече отъ путей Господнихъ!..

Всѣ низшіе классы проходилъ я, можно сказать, механически,—что заставятъ, то и дѣлаю, что зададутъ, то и учу,— и только въ Риторикѣ началъ понимать пользу ученія. Въ семъ то классѣ, какъ въ хорошей оранжереѣ роза,—умъ мой и понятія начали мало-помалу развиваться, при посредствѣ мудрыхъ учителей *Сѵмеона* (бывшаго послѣ архіеп. Ярославскимъ) и іеромонаха *Мисаила* (который въ С.-Петербургѣ на чередѣ умеръ.) А дабы болѣе заняться классическими дѣлами и имѣть средства преодолѣвать трудности въ перево-

*) Мѣсто предоставлено 1802 года мая 1 дня.

**) Аще забуду тебе пастырю добрый! *Забвена буди десница моя.*

дахъ и задачахъ,—то я перемѣнилъ квартиру, переѣхавъ въ *Покровскій монастырь*. Какъ я уже остался сирота, то и началъ проситься жить на казенный коштъ, въ академическую бурсу. Но безъ случая не дали мнѣ мѣста и въ той бѣдной хижинѣ. Добродушный и сострадательный отецъ ректоръ Владиміръ *) послалъ меня въ Покровскій монастырь жить съ учениками, содержащимися на иждивеніи купца Демида Демидовича г. Мѣщанинова. «И то милость — думалъ я самъ въ себѣ,—хоть далеко ходить въ академію, но покойно и способно учить уроки и дѣлать школьныя дѣла». Итакъ я рѣшился оставить домъ своей благотворительницы Елисаветы Ѳедоровны Апачининой, **) хотя она совсѣмъ того и не представляла и не желала;—а почитала меня какъ бы своимъ сыномъ, что я никогда отъ нее не отойду и буду жить до окончанія курса. Но крайняя необходимость ***) принудили меня оставить сей господскій домъ, въ которомъ кляузы и ябиды, зависть и злоба, какъ зола полотно, какъ ржа желѣзо,—ѣли мое сердце... Я, помолившись Богу и простившись съ барынею, съ рухлядью своею отправился въ Покровскій монастырь,—и лишь только переступилъ за порогъ въ келью къ ученикамъ; то тамошній инспекторъ и всѣ живующіе тамъ студенты, какъ львы сильно на меня заревѣли и не пустили въ покои, говоря, что «здѣсь нужно имѣть голосъ, у тебя же нѣтъ голоса никакого — а мы отъ пѣнія получаемъ себѣ содержаніе. Ибо вкладчики заказываютъ обѣдни, и мы поемъ ихъ по нотѣ. Монастырское же содержаніе недостаточно. Когда ты голоса не имѣешь, то здѣсь жить не можешь, у насъ даромъ хлѣ-

---

*) Былъ на покоѣ въ Донскомъ монастырѣ и умеръ.

**) Умерла и погребена въ Симоновѣ монастырѣ.

***) Проживши въ домѣ ея болѣ 3-хъ лѣтъ и уже выучивши упрямую питомку кой-какъ читать и писать, я не былъ у нее праздникомъ,—пришедши изъ школы долженъ былъ я итти къ ней и сидѣть до 11 или 12 часовъ вечера, или какую-нибудь книгу читать, или что на умъ взбрело болтать, а свое дѣло дѣлать въ остальную половину ночи!!

бомъ не кормятъ; хотя и прислалъ тебя ректоръ, но нашъ строитель *Аверкій*, *) не послушаетъ его, и тебя опять вышлетъ вонъ». Въ тотъ же часъ приходитъ и строитель, и будучи ими наученъ, говоритъ то же, что и студенты: «выбирайся вонъ, здѣсь тотъ живетъ, кто хорошо поетъ; а у тебя голоса нѣтъ, и мѣста тебѣ здѣсь нѣтъ!» – сказавши сіе хлопнулъ дверью и ушелъ вонъ.—Я побѣжалъ за нимъ опрометью, жалобнымъ своимъ голосомъ остановилъ его на дорогѣ, бросился къ нему въ ноги и залившись горькими слезами, говорю ему: «Преподобнѣйшій отецъ! Ежели теперь при сей моей крайности, не будетъ вашего человѣколюбія,—то кто жъ поможетъ мнѣ, сиротѣ? Ежели не будетъ вашей сострадательности, то кто жъ призритъ меня бѣднаго? Ежели вы мнѣ откажете въ своемъ покровительствѣ, то гдѣ я преклоню безпріютную мою голову?.. Отецъ и мать, давно оставили меня, то вы, сердобольнѣйшій отецъ! не откажитесь быть вторымъ живымъ моимъ отцемъ? Явите и на мнѣ, подобно прочимъ, здѣсь живущимъ, милость свою? Позвольте имѣть уголъ съ учениками вашего монастыря и кусокъ хлѣба отъ трапезы бѣдныхъ оныхъ питомцевъ Музъ. Заставьте меня день и ночь молить Бога о вашемъ благоденствіи». При сихъ словахъ онъ стоялъ какъ вкопаной и пристально глядѣлъ на меня, какъ слезы въ три ручья лились по щекамъ моимъ и прервали всѣ слова мои. Потомъ воротился опять къ ученикамъ въ комнату и сказалъ инспектору: «примите сего бѣдняка,—я васъ прошу его оставить, онъ мнѣ кажется очень жалокъ!!!» —И тотчасъ велѣно мнѣ поставить кровать,—только близъ самой лахани.—И я тѣмъ ни мало не погнушался, а, перекрестясь, внутренно возблагодарилъ Бога за Его милость, что хотя буду спать *сзади, но въ томъ же стадѣ*... Переѣхалъ въ сентябрѣ; проживши нѣсколько дней увидѣлъ, что покровскіе пѣвчіе—самые отличные *пивчіе*... Время проводятъ всегда въ праздности и піянствѣ,—а не-

*) Изъ строителей посланъ въ Лавру Троицкую въ іеромонахи—умеръ.

рѣдко и въ буянствѣ—даже и самому строителю *) въ одну ночь досталось пострадать отъ нихъ,—также и маленькіе мальчишки, ученичишки,—имѣли уже всѣ большіе пороки... Каждый вечеръ бываетъ до полуночи шумъ, гамъ, и всякій срамъ: кто оретъ, кто вретъ, кто пьетъ... Вотъ упражненія моихъ по жительству товарищей!—Это не пристанище бѣдныхъ — думалъ я самъ въ себѣ; ученики низшихъ классовъ ни уроками, ни упражненіями не занимались, да и отъ школы многіе бѣгали. Что тутъ хорошее можно было перенять? Чему честному можно было научиться?—Сіи примѣры худые могли бы удобно испортить обычаи благіе,— около сей смолы находясь, юное сердце мое легко могло бы очерниться навѣки.— Но милосердый Богъ невидимо посылалъ ко мнѣ ангела хранителя и покровителя, что избавился я отъ всѣхъ тѣхъ золъ и бѣдъ; кромѣ школьныхъ дѣлъ у меня ничего не было въ головѣ. Смиреніе, услужливость и учтивость моя заставили обратить на меня вниманіе всѣхъ студентовъ со мною живущихъ и *инспектора* **), которой полюбивши меня, узналъ отъ своего отца, что я ему довожусь троюродный братъ. Также и отецъ строитель очень меня полюбилъ и отрекомендовалъ меня съ хорошей стороны къ Воскресенско-Таганскому священнику Сѵмеону Іоанновичу ***) жить и учить его сына Ивана *) Протопопова.

Итакъ я, не проживши въ монастырѣ года, перебрался въ Таганку въ іюлѣ мѣсяцѣ. Слава Богу! что вырвался я изъ той скучной тюрьмы. Сей преблагословенный и препочтенный домъ сначала мнѣ показался земнымъ раемъ.—Какое регулярное строеніе! Какой душистый и плодами изобильный

---

*) И многихъ монаховъ прибили,—однако за сіе выгнаны были вонъ изъ монастыря всѣ тѣ буяны.

**) Матвѣй Ивановъ Звѣревъ, былъ священ. въ Моск. Верхо-Спаскомъ соборѣ, а 1826 19 генв. пришедши ко мнѣ въ гости скоропостижно умеръ.

* *) Бывши послѣ протоіереемъ и благочиннымъ въ 1812 году умеръ.

***) Иванъ Семеновъ находится священ. въ Печатникахъ.

садъ! Какая вездѣ чистота и опрятность! Какой во всемъ стройный порядокъ! довольство и изобиліе лились вездѣ рѣками.—Мнѣ казалось, что я въ сей домъ, какъ мышь въ сыръ, ввалился. Только сынъ ихъ, а мой новой ученикъ, столько былъ рѣзовъ и не послушливъ, что часто выводилъ меня изъ терпѣнія,—и я рѣшился было опять черезъ нѣсколько дней съѣхать въ Покр. монастырь; ибо чрезмѣрная рѣзвость мальчика, со мною въ одной свѣтелкѣ жившаго, дѣлала мнѣ великое помѣшательство въ дѣлахъ риторическихъ, кои всегда требуютъ особеннаго занятія, въ тихомъ уединенномъ и спокойномъ мѣстѣ. Но мнѣ, бѣдняку, гдѣ этого можно найти? Гдѣ меня солнце пригрѣетъ, тутъ и тепло!!! Хозяинъ былъ для меня человѣкъ очень ласковый, добродушный и благотворительный, а сіе заставило меня остаться у него жить.—Такимъ образомъ день ото дня началъ я привыкать къ сему дому,—и нашлось время не только для своихъ занятій, но и по временамъ присматривать за домашнею экономіею; хотя сіе препорученіе мнѣ очень не нравилось... Но я помнилъ всегда оное изреченіе: *Послушаніе паче поста и молитвы.*

Хорошему человѣку вездѣ бываетъ хорошо.

Хорошо тому бываетъ,
Тихо, смирно кто живетъ,
Свое дѣло твердо знаетъ,
Честно кто себя ведетъ.

Самъ тому я былъ свидѣтель,
Опытъ ясно доказалъ,
Какъ всѣ любятъ добродѣтель,
На себѣ то испыталъ.

Не богатствомъ, не чинами
Пріобрѣлъ себѣ любовь,
Но стараньемъ и трудами,
Лился со лба потъ и кровь.

Съ утра и до самой ночи
Ученикъ со мной сидитъ:
Нѣтъ терпѣнья, нѣту мочи,
Какъ онъ рѣзвится кричитъ.

Унимаешь, запрещаешь,
Онъ упрямится, ореть
Ты учиться заставляешь,
Онъ дурачится и вретъ.

Но бѣда, коль мать услышитъ,
Вотъ ему была гроза!
Тутъ дитя сидитъ и пишитъ
Коль предъ нимъ лежитъ лоза...

Кромѣ дѣтской сей науки,
Должность мнѣ еще дана,
Должность тоже не безъ скуки,
Чтобъ служанка не одна,

А со мной всегда ходила
Брать изъ погреба припасъ,
Чтобъ не крала, не таила
Пиво, медъ, вино и квасъ.

Лѣтомъ закрывать творило
Попадья всегда велитъ;
Разобьетъ рабѣ все рыло,
Если погребъ не закрытъ.

Ледъ какъ сахаръ соблюдала,
Лѣтомъ дорогъ снѣгу комъ;
Но совсѣмъ того не знала,
Что тащатъ у ней тайкомъ.

Я видалъ ихъ всѣ проказы,
То-то хитростный народъ!
Зналъ всѣ плутни и пролазы,
Что ни скажетъ все солжетъ...

Мнѣ судить объ нихъ не должно,
Кто какъ хочетъ такъ живетъ;
Но скажу лишь то не ложно,
Хорошо тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ!

Толи дѣло, коль *рабами*
Для себя самихъ живемъ.
Сядемъ точно господами,
Все спокойствіе найдемъ.

Болѣе трехъ лѣтъ прожилъ я въ Таганкѣ—и такъ привыкъ къ этому дому, какъ къ родному... Но должно было его оставить потому, что ученикъ мой началъ ходить въ коммерческое училище для наученія языкамъ. Я уже оставался безъ дѣла, то и переѣхалъ опять въ *Покровскій монастырь*—мѣсто сіе сдѣлалось для меня извѣстное,— вольное... а воля и добраго коня портитъ—и я подпалъ многимъ порокамъ. Но человѣколюбче Господи! *Грѣхи юности моея не помяни* *). *Но остави вся грѣхи моя* **). *Омый мя отъ беззаконія моего и отъ грѣха моего очисти мя* ***). *Беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну.*

Философія.

Просидѣвши въ Риторикѣ ровно два курса, то-есть 4 года, выведенъ я въ Философію *). Признаюсь въ тогдашнемъ моемъ малодушіи: такого восторга, такой радости отъ дня рожденія моего никогда не чувствовало сердце мое. Академія тогда была въ Заиконоспаскомъ монастырѣ; изъ академіи въ Покровскій монастырь послѣ вывода того, я кажется летѣлъ на крыльяхъ, а не по землѣ шелъ. Пылкая фантазія моя какихъ тогда не представляла въ умѣ моемъ воздушныхъ замковъ? Какихъ чиновъ и достоинствъ не приписывала мнѣ? Какихъ наградъ и удовольствій не обѣщала?— Мнѣ казалось тогда, что я стою на самомъ верху всѣхъ удовольствій и родостей.—Кто я?—спрашивалъ часто самъ

*) Псал. 24, 7.
**) Псал. 24, 18.
***) 50—4.
*) Префектомъ, Сергіемъ въ 1805 году, который бывши Рязанскимъ архіепископомъ умре 1824 года 18 августа. Вѣчная память!

себя; — *Философіи студентъ*... О! это весьма важное и громкое титло!—и тотъ часъ я надписалъ всѣ свои книженки,—и помнится,—старыя сапоженки: «философіи студенту А. В. *) принадлежатъ сіи» и проч. Долго былъ я упоенъ своимъ честолюбіемъ, мнѣ кажется во весь философскій курсъ я не очувствовался отъ сего порока. Два года слушалъ лекціи философскія у Сергія, какъ у добраго отца сынъ,—и два поступка учинилъ передъ нимъ не простительныхъ,—какъ грубый пасынокъ. Но его милосердіе и кротость покрыло всѣ грѣхи мои; давши при семъ мнѣ отеческое наставленіе, которое глубоко врѣзалось въ сердцѣ моемъ: *vive honeste, bibe modeste, sanus eris.* (Живи честно, пей умѣренно, здравъ будешь). Надъ всѣми учениками, живущими со мною въ монастырѣ, сдѣланъ былъ я *инспекторомъ*,—это иго для меня было нелегко:—ученики были всѣ вольные, избалованные и лѣнивые. А товарищи, окружавшіе меня, были похожи на лѣтнихъ мухъ—коли есть у тебя хлѣбъ, или медъ,—то и товарищъ около тебя ласкается и льнетъ—а если ничего нѣтъ, то другъ и пріятель отъ тебя скорехонько уйдетъ.

Домашніе товарищи мои послѣ оказались домашними врагами.—Каждый день разставляли для меня сѣти лукавствія,—но Милосердый Господь не по беззаконіямъ моимъ воздалъ мнѣ,—избавилъ меня отъ всѣхъ сѣтей вражіихъ. Я оставилъ ихъ однихъ со всѣми ухищреніями ихъ и переѣхалъ на Покровку *въ Бараши* къ пономарю *Алексѣю Андрееву*. Хозяинъ и хозяйка были люди добрые.**) Алексѣй Андр. мнѣ былъ двоюродный братъ. Сынъ ихъ *Филипъ Алексѣевичъ* ***)

---

*) *Примѣчаніе отца діакона Флоро-Лаврской, на Зацѣпѣ, церкви Руфа Іоанновича Соловьева:* „Покойный дѣдъ моей жены О. Александръ Михаиловичъ имѣлъ фамилію *Воскресенскій*“.

**) Оба умерли, одна въ 1813 году и другой въ 1830 году. Помяни Господи ихъ во царствіи своемъ.

***) Скончался 1821 года іюня 3 числа, бывши студентъ академіи 1-го разряда; утѣшалъ родителей родственниковъ и друзей, по фамиліи былъ *Фелицынъ*.

въ дѣтствѣ своемъ учился у меня латинскому языку—учился успѣшно,—отлично. Жилъ я у нихъ въ тѣснотѣ, но не въ обидѣ. Въ продолженіе философскаго курса, за прилѣжаніе и успѣхи наградили меня пятью книгами и студенческимъ жалованьемъ, кое получалъ до самаго опредѣленія на мѣсто діаконское.

Богословія.

Въ 1807 году выведенъ я въ Богословію ректоромъ *Моисеемъ*. *) Не болѣе одной трети или полугода пробывши онъ нашимъ учителемъ, взятъ на череду въ С.-Петербургъ; а на мѣсто его префектъ *Сергій* поступилъ въ *ректоры*. — И мы весь курсъ богословскій слушали не подъ строгостію *Моисейскою*, но подъ кроткимъ покровительствомъ *Сергія*.—По тѣснотѣ квартиры въ зимнее время я переѣхалъ на другую квартиру, но и эта оказалась холодная и гнилая и заставила меня черезъ три мѣсяца перебраться на новую *къ Гребенской* въ домъ *князя Куракина*, гдѣ и жилъ вмѣстѣ съ товарищемъ Алексѣемъ Аничкинымъ болѣе полугода. 1808 года переѣхалъ я въ *Новую Слободу*, въ домъ купца *Коробова* Матвѣя Яковлевича, учить дѣтей его. А себя учить совсѣмъ позабылъ; продавалъ золотое время за бездѣлицу,—между тѣмъ, какъ самому бы должно было беречь его, какъ неоцѣненное сокровище. Ученики были почти всѣ лѣнивые, грубые, Матвѣй, Матрена и Иванъ избалованные. Но домъ былъ какъ полная чаша.—Изобиліе всѣхъ благъ земныхъ—лилось рѣкою.

Въ семъ домѣ прожилъ я три года,— какъ три дня они пролетѣли,—и кончилъ уже свой богословскій курсъ при рѣкторѣ *Сергіѣ*. Награжденъ былъ въ богословіи 10-тью книгами за успѣхи—и отличнымъ *аттестатомъ*: «отличныхъ

*) *Моисей* бывшій послѣ Нижегородскимъ архіереемъ умре. Упокой его Господи!

успѣховъ и превосходныхъ дарованій.» Душеполезныя лекціи христіанскаго ученія, отъ кроткаго и мудраго учителя преподаваемыя,—занимали меня на малое только время;—и сѣмя слова Божія падало на сердце мое, какъ на камень... Каждое утро при свиданіи съ товарищами своими занимался я праздословіемъ, смѣхотвореніемъ, сквернословіемъ, осужденіемъ и иными безчисленными прегрѣшеніями, кои *умножишася паче власъ главы моея*—и о коихъ *срамно есть и глаголати*. Даже воскресные и праздничные дни осквернялъ я худыми и скаредными своими дѣлами: *но не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ Господи*! За таковыя мои безчисленныя согрѣшенія праведный Судія—Богъ послалъ на меня достойное *наказаніе* *). Въ одно время лѣтомъ, пришедши я въ прежнюю квартиру къ товарищу Аничкову Алексѣю Максимову *въ Куракинъ домъ* обѣдать, и послѣ обѣда, вышедши на переходы и забывши, что переклады у перилъ были гнилые,—только облокотился на нихъ,—и стремглавъ полетѣлъ со втораго этажа внизъ, ударившись головою своею о землю, такъ сильно, что я болѣе пяти минутъ былъ безъ чувствъ,—и тогда я опамятовался, когда уже меня, всего окровавленнаго, четверо несли на лѣстницу въ покои, изъ коихъ я три дня никуда не выходилъ.—Благотворительные сосѣди г-жи Добровы (подаждь имъ Господи въ жизни сей все доброе и полезное) въ томъ домѣ живущіе едва уняли у меня ліющуюся со лба и изъ носа кровь и помогли въ моей болѣзни. Этотъ жестокій ударъ сдѣлалъ знакъ на лбу моемъ такую большую шишку, которая во всю жизнь мою не пройдетъ, но будетъ напоминать мнѣ о моей грѣховной жизни;—а сильная боль въ головѣ, отъ того же удара произшедшая, заставляетъ меня по неволѣ узнавать худую погоду за два, или за три дня прежде,—особливо при моихъ нынѣ преклонныхъ лѣтахъ. О! неосмотрительная, и опромѣтчивая молодость! О, необузданное своеволіе!—До чего ты не можешь довести человѣка въ пылкихъ лѣтахъ его?—Не токмо

*) *Блаженъ человѣкъ его же аще накажиши, Господи!*

на лицѣ, но и на сердцѣ можетъ провести неизгладимыя черты гнусныхъ пороковъ и причинить не токмо временную, но и вѣчную смерть.

Коробовскіе дѣти кончили свое ученіе и стали всякій день ѣздить съ отцемъ въ лавку торговать; а я оставался уже безъ дѣла,—и переѣхалъ опять въ *Бараши* *). Хозяину своему по родству и добродушію его я уступалъ было предоставленное за мною послѣ родителя моего **) въ городѣ Воскресенскѣ діаконское мѣсто: но это дѣло не совершилось,— значитъ не было ему званія Божія,— и онъ остался вѣкъ пономаремъ. ***) *Бараши были для меня всегда хороши.* Квартира не такъ была красива; но за нее не одинъ разъ я ей говорилъ *спасибо*. Въ зимніе *вечера*—ибо я переѣхалъ осенью,—сяду къ печкѣ при заженной свѣчкѣ, занимаюсь чтеніемъ, а иногда разговорами съ хозяиномъ, который часто мнѣ напоминалъ о моей философской безпечности, говоря: «Всѣ твои товарищи вышли на мѣста, а ты одинъ остаешься на печи». — *) Что до того за нужда? сказалъ я ему въ отвѣтъ: я имѣю твердую надежду на Промыслъ Божій, *безъ воли коего и власъ главы нашея не погибнетъ*· Лук. гл. 21, ст. 18).

Сидень сидитъ, а счастье его растетъ.—Богу что угодно дать,—и въ окошко подастъ... по пословицамъ.—И подлинно сбылись сіи слова:—Великій въ щедротахъ и неизреченный въ милости Богъ—*исполнилъ во благихъ желанія мои.*

---

*) Къ пономарю Алексѣю Андрѣеву.

**) Михайла Космина.

***) Умеръ 1830 году.

*) Онъ сіе говорилъ въ дружескую шутку, — ибо я его ничѣмъ не отягощалъ: за квартиру, за пищу и прочее за все платилъ деньги съ избыткомъ.

Бракосочетаніе.

За сиротами—всегда печется и промышляетъ *Богъ* по пословицѣ.—Онъ послалъ мнѣ невидимо такихъ благодѣтелей *), которые приложили о моемъ дѣлѣ стараніе,—доставили мнѣ *мѣсто* и *невѣсту:—мѣсто* діаконское у Николы въ Толмачахъ, на которое, по резолюціи митрополита Платона: *избрать достойнаго,*—и избраніемъ московскаго викарія, Августина епископа Дмитровскаго, удостоенъ на оное мѣсто. А *невѣста* на Зацѣпѣ у діакона Тимоѳея Дмитріевича дочь *Екатерина Тимоѳеевна.* Бракосочетаніе было 14 генваря 1812 года въ 9 часовъ вечера въ церкви Богоявленія Господня, что въ Ямской Дорогомиловой слободѣ, а бракъ совершали: Воскресенско-Таганскій протоіерей благочинный Сумеонъ Іоанновъ, и приходскій діаконъ Петръ Алексѣевичъ. По окончаніи священнаго таинства, братъ мой священникъ Василій Михайловичъ **), со святымъ крестомъ, при пѣніи стиха *о Тебѣ радуется* и при свѣтѣ зажженныхъ плошекъ—изъ храма Божія препроводилъ насъ въ домъ оной же церкви священника, брата Димитрія Михайловича, который вмѣсто отца встрѣчалъ насъ съ хлѣбомъ и солью въ домѣ своемъ.— Мы и всѣ гости сѣли за дессертъ. На другой день для всѣхъ родныхъ былъ обѣденный столъ, за которымъ обѣдало болѣе 30 человѣкъ; пиръ былъ веселъ,—хлѣба и соли довольно, и доброе вино соблюдено для дорогихъ гостей и распотчивано за здоровье новобрачныхъ.

---

*) Моск. бывшей академіи, а послѣ уже семинаріи лѣкаря Илію Дмитріевича Погожева, которой умеръ 1835 года 1 ноября, второй Василій Михайловичъ, Иліеобыденскій священникъ, умре 1830 году, 3 числ. октября. Вѣчная имъ память! благодѣтельныя *ихъ души—во благихъ водворятся.*

**) Нынѣ уже въ селѣ Соколовѣ свящ.

Посвященіе во діакона.

По окончаніе брачнаго пира того жъ 1812 года генваря 21 дня обрученъ я со св. Церковію: на Саввинскомъ подворьѣ рукоположенъ во діакона преосв. Августиномъ епископомъ Дмитровскимъ, [викаріемъ Московскимъ, къ Николо-Толмачевской церкви, въ коей меня, недостойнѣйшаго, удостоилъ Господь Богъ отслужить первую обѣдню въ день Срѣтенія Господня,—а обѣдалъ въ тотъ день у тестя Тимоѳея Дм. на Зацѣпѣ. Около шести недѣль прожили мы въ Дорогомиловой у брата Дмитрія Мих.— и поблагодаривши его за всѣ благодѣянія и хлопоты, переѣхали мы съ женою въ Толмачи въ купленной нами за 2300 ассигнаціями діаконскій домъ. Едва только успѣли поправить сей запущенный и разстроенный домъ; едва только завелись всею домашнею рухлядью—и хорошенько въ домѣ еще не осмотрѣлись:—какъ вдругъ по не испытаннымъ судьбамъ Божіимъ должны были оставить все,—домъ и имѣніе,—и бѣжать вонъ изъ Москвы... жестокая буря войны возстала на западѣ, и громы французскихъ оружій раздавались уже въ предѣлахъ Россіи *).

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Французы вступили въ предѣлы Россіи 1812 года 3 іюня.

УМСТВЕННЫЙ ВЗОРЪ

на протекшія лѣта моей жизни отъ колыбели и до гроба (1778—1825 г.).*)

Нашествіе непріятелей. 1812 годъ.

Вильно, Вязьма, Полоцкъ уже преданы непріятелями огню и мечу; а Смоленскъ и Можайскъ были ужаснымъ театромъ кровавой войны въ нашемъ возлюбленномъ отечествѣ,—и покорены непріятелями.... О ужасъ! Сердце мое облилось кровію, члены охладѣли, уста замерли, и электрическая сила мгновенно отъ ногъ до головы пролетѣла по всѣмъ жиламъ моимъ, когда я услышалъ, что *Москва*—сердце Россіи— сдана *на капитуляцію*, и непріятели чрезъ два дня займутъ ее своими войсками. Несчастные Москвитяне тысячами и днемъ и ночью выѣзжаютъ и выбѣгаютъ вонъ пятью сѣверо-восточными заставами. Наконецъ мы дождались того, что во всей Москвѣ домы остались пусты, окна вездѣ были закрыты, ворота всѣ заперты, мертвая тишина, предвѣщающая бурю бѣдствій, прерываема была то необыкновеннымъ лаяніемъ и воемъ собакъ, то гнуснымъ карканіемъ врановъ и прочихъ плотоядныхъ птицъ, летающихъ большими стадами. Два великія свѣтила,—безмолвные свидѣтели всѣхъ на земли дѣяній человѣческихъ,—измѣнились въ натурѣ своей! Солнце, видя повсюду кровь человѣческую,

---

*) Продолженіе. См. ноябрьскую кн. *Душепол. Чтенія*. 1894 г.

ліющуюся рѣками, какъ бы сжалилось и, скрывая лучи свои, медленно катилось къ западу, покрываясь мракомъ, предвѣщало намъ плачъ велій и давало намъ какъ бы болѣе время уйти отъ непріятелей.... Пурпуровая луна,—скромная подруга нощи, плавая по голубому небосклону,—предвѣщала, что скоро и Москва обагрится кровію, скоро рука злодѣя и ее сожжетъ огнемъ и превратитъ въ безобразную кучу камней.....

Августа 30-е число, въ день моего Ангела, всѣ родные наши сошлись ко мнѣ въ послѣдній разъ откушать хлѣба и соли—и всѣ простилися.—Въ этотъ день уже ассигнацій никто на рынкахъ не бралъ ни за что, лавки въ городѣ и на рынкахъ, кромѣ съѣстныхъ, всѣ были заперты.

Путешествіе по владимиркѣ.

Новая картина ужаса открывалась глазамъ моимъ! Милліоны несчастныхъ изгнанниковъ древней столицы—Москвы, перегоняя и толкая другъ друга, бѣгутъ, куда глаза глядятъ. Не токмо широкая дорога владимирская, но и всѣ поля, около дороги сей лежащія, покрыты пѣшими и конными. Ужасъ, подобно электрической силѣ, мгновенно пробѣжалъ по всѣмъ моимъ жиламъ и костямъ. Хладный потъ покрылъ все чело мое, колѣна мои подгибалися, и я принужденъ былъ сѣсть на тележонку къ горестной женѣ моей, которая сокрушалась и мучилась не столько обо мнѣ и о себѣ, сколько о зачатомъ во чревѣ младенцѣ своемъ (ибо ей оставалось носить только два мѣсяца). «Давай оба вмѣстѣ плакать, сказалъ я ей, авось скорѣе у насъ выльются слезы изъ сосудовъ своихъ, авось скорѣе вылетятъ всѣ тяжелые и горестные вздохи изъ груди нашей;—и можетъ быть, послѣднее дыханіе, слившись вмѣстѣ съ твоимъ, прервetъ всю цѣпь бѣдствій нашихъ. *Боже милосердый*! *Судія праведный*! Не осуди насъ по грѣхамъ и не воздавай по дѣяніямъ нашимъ: мы ходили въ воляхъ сердецъ нашихъ развращенныхъ и непотребныхъ, не щади убо праведнаго жезла Твоего, на

казуй насъ. Блаженъ человѣкъ, говоритъ св. Пр. Давидъ егоже аще накажеши, Господи!» Долго находился я погруженный въ безднѣ размышленій, — одна идея рождала тысячи новыхъ идей, одна мысль пересѣкала другую. Между тѣмъ кляча наша начала останавливаться, давая знать объ своей усталости, напомнила мнѣ, что она другой лень не ѣла. Ну! ну! ну! кричалъ я ей и погоняя говорилъ: нѣтъ нужды, что ты долго не ѣла, только далѣе вези! не ѣвши, тебѣ легче бѣжать.—Однако шутка сія не къ мѣсту,—и я принужденъ былъ слѣзть и итти пѣшкомъ.

Кой-какъ дотащились мы 30 верстъ до *Пахры*, и, по милости благотворительныхъ спутниковъ нашихъ *), знакомыхъ управителю князя Голицына, дали намъ квартиру въ домѣ князя для ночлега. Какъ время было еще очень рано, то я, вышедши за ворота, смотрѣлъ на ужасныя толпы ѣдущихъ-бѣгущихъ москвитянъ, пылью и потомъ покрытыхъ.

Вступленіе непріятеля въ Москву.

Сентября 2 дня 1812 года въ 5 часу вечера услышали мы пушечный выстрѣлъ. Вскорѣ потомъ отъ возвращающихся назадъ владимирскаго ополченія чиновниковъ узналъ я, что въ Москву вступилъ непріятель. Сердце мое, израненное несчастіями, облилось все кровію, слезы въ три ручья потекли по изсохшимъ ланитамъ моимъ. Всѣ жители Пахры о семъ узнали. Страхъ и ужасъ, овладѣлъ всѣми, всѣ изъ домовъ побѣжали; одни мы кое-какъ, не смыкая очей своихъ, провели эту ужасную ночь въ барскомъ гостинномъ дворѣ и, по совѣту добраго того управителя и нашихъ спутниковъ, мы поѣхали на другой день направо въ сторону проселочною дорогою, дабы отъ тѣсноты народной избавитися. Самъ милосердый Отецъ небесный, наказующій и милующій насъ, вразумлялъ и указывалъ намъ путь куда ѣхать.—Ангелъ Рафаилъ съ Товіею путешество-

*) М. Куп. Иванъ Кондратьевъ и Семенъ Семеновъ.

галъ, и намъ Богъ посылалъ простосердечныхъ поселянъ кои указывали намъ дорогу, и въ 3-е число къ вечеру пріѣхали *въ село Кудиново* *). Священникъ онаго села Иванъ Ивановичъ, подобно страннолюбивому Аврааму, вышедши къ намъ со всѣмъ семействомъ своимъ навстрѣчу, принялъ насъ въ домъ свой съ величайшимъ усердіемъ и предложилъ намъ хлѣбъ и соль свою.—Сынъ его Иванъ Ивановичъ, **) узнавши насъ, отвелъ намъ особенныя комнаты. Сего жъ числа вечеромъ на южной московской сторонѣ открылось ужасное зарево и разливалось подобно огненной рѣкѣ по небосклону. Мы всѣ вышедши на погостъ смотрѣли на раскаленное пламенемъ небо и навѣрное заключили, что непріятели древнѣйшую столицу нашу предаютъ огню.—Зарево сіе болѣе недѣли и денно и нощно продолжалось, густыя облака дыму, носимыя сильнымъ вѣтромъ, закрывали всю южную сторону. Жженая бумага клочьями, подобно галкамъ, летая подъ облаками, падала подлѣ насъ на луговину.—Я, поднявши этотъ тончайшій черный бумажный трутъ, сталъ прилагать особенный трудъ, смотрѣлъ пристально и едва увидѣлъ, что бѣлыми словами было написано *все въ Москвѣ истреблено, все сожжено.*—Тутъ сердце мое потерпѣло болѣе, нежели та жженая бумага: лучъ радостной надежды—служить паки въ храмѣ Господнемъ въ Толмачахъ, видѣть свой домъ, своихъ родныхъ и знаемыхъ—погасъ въ душѣ моей, и слезы градомъ въ два ручья покатились по обѣимъ щекамъ моимъ.—Многіе дни и ночи просиживая на погостѣ, часто видалъ я, что подобныхъ мнѣ собратіевъ мертвыхъ и бездыханныхъ предаютъ землѣ, мрачные гробы ихъ ставятъ въ глубокія песчаныя могилы.—Завидую вамъ, въ Бозѣ почившіе братія моя! вы теперь сокрылись отъ всѣхъ бѣдственныхъ бурь жизни сея, а я, подобно слабой и гнилой былинкѣ, едва-едва стою на бранномъ полѣ міра сего. Съ

*) По Владимиркѣ въ правую сторону за Кунавку—верстахъ въ пяти.

**) При Полянкѣ у Григорія Неокесарійскаго діаконъ.

одной стороны огнь, рукою злодѣйскою возженный, опустошаетъ жилища наши, а съ другой—мечъ непріятельскій блеститъ надъ главами нашими *).

Болото.

«Французы! Французы!» вдругъ закричали тысячи голосовъ, и я, какъ бы пробудившись отъ мрачной меланхоліи, увидѣлъ жену свою, родныхъ и благодѣтельныхъ хозяевъ, что они собираются въ близъ находящееся отъ нихъ сухое болото. Пойду и я съ вами, сказалъ я имъ, лучше жить со звѣрьми въ лѣсу, нежели со злодѣями-людьми въ домѣ.

Долгое время пробирались мы сквозь частые кустарники, по грязной и узенькой тропинкѣ, наконецъ зашли очень далеко, куда нога злодѣя не могла сдѣлать слѣда... Тамъ всѣ мы начали строить шалашъ,—и наша стройка была очень успѣшна: къ вечеру мы уже взошли всѣ въ новый зеленый домъ, усланный мягкимъ мохомъ. Подлѣ новаго шалаша разведенъ огонь, и мы, сѣвши около его въ кружокъ, согрѣвали охладѣвшія отъ мокроты руки и ноги.—Глухая полночь застала насъ въ семъ положеніи и покрыла все черною своею мантіею.—Всѣ наши сродники и сопутники въ тѣсномъ шалашѣ крѣпко уснули, а мы съ женою—вѣрнымъ другомъ—сидимъ у погасающаго огня и обливаемся слезами. Скоро, скоро можетъ быть съ симъ погасающимъ огнемъ погаснетъ огнь жизни нашей, говорю я ей, мы уже находимся въ челюстяхъ алчной смерти, отовсюду окруженные непріятелями, выгнанные изъ домовъ, безъ пищи, безъ одежды, холодъ и голодъ принудятъ насъ преждевременно разстаться съ жизнію. Боже милосердый! не предаждь насъ въ руки враговъ нашихъ! избавь насъ отъ напрасныя смерти.—Помилуй насъ по велицей милости Твоей! Изведи изъ темницы души наша! Наконецъ огонь погасъ; безъ него стало намъ очень хо-

*) Мы въ оном селѣ, проживая около мѣсяца, дождались до того, что со всѣхъ сторонъ окружили насъ непріятели.

лодно, и мы вошли ощупью въ шалашъ и легли кое-какъ; благодѣтельный сонъ смежилъ очи наши... Проснувшись видимъ, что сродники наши и знаемые всѣ опять сидятъ у разведеннаго огня; встаемъ и мы и, воздавши благодареніе Богу наказующему насъ и вмѣстѣ милующему, садимся къ нимъ. Знаемые наши пьютъ чай съ сахаромъ, и мы, нагрѣвши болотной воды и положивши въ нее кой-какой травки съ медомъ, промачиваемъ запекшійся языкъ свой; и за то благодарить должно Бога—сказалъ я тихонько дружинѣ своей, можетъ быть тысящи собратій нашихъ безъ сна и пищи нѣсколько уже дней томятся съ голоду, можетъ быть тысящи отъ руки злодѣевъ уже лишились жизни, а мы, слава Богу! живемъ, движимся и есмы... Болѣе недѣли продолжали мы сію кочующую жизнь; между тѣмъ наше село *Кудиново* каждый день начали посѣщать неучтивые гости-французы, и все, что ни попадется въ домахъ, ломали, или что получше увозили, всякого навстрѣчу попадавшагося обыскивали и что кому понравится отнимали и грабили. И наши родственники *) подверглись той же участи—и ихъ ошарили, хлѣбъ и муку отняли и едва не лишили ихъ жизни **).

1-е число октября въ ономъ селѣ Кудиновѣ храмовой праздникъ Покрова Божіей Матери; мы и для праздника, и для того, что холодъ и голодъ переломилъ насъ, ночью собравшись, выѣхали изъ болота опять въ Кудиново. И, по увѣренію тамошнихъ крестьянъ, едва только мы успѣли переѣхать большую дорогу, не прошло пяти минутъ, какъ скорымъ маршемъ пролетѣли всѣ отряды французскихъ солдатъ, тамошнія дороги занимающіе,—ибо имъ въ самоскорѣйшемъ времени велѣно явиться въ Москву.—И тутъ-то мы почувствовали, что находимся подъ сильнымъ и державнымъ Покровомъ Божія Матери—нашей теплой Заступницы. Она невидимо сохранила насъ и защитила отъ нападенія враговъ.

---

*) Василій Михайловичъ Копьевъ съ братьями своими.

**) Ибо они оставались въ селѣ для печенія хлѣбовъ, кои враги всѣ отняли.

Прощай Кудиново.

3 числа октября отпраздновали праздникъ Покрову Божія Матери и, принесши въ томъ храмѣ недостойныя молитвы и благодаренія, потомъ поблагодаривши добраго и почтеннаго хозяина и его благословенное семейство за хлѣбъ и за соль, сказали *спасибо этому дому, пора намъ къ иному*, а куда—и сами не знаемъ. Потомъ по совѣту родныхъ и по многому страху, чтобы непріятели опять къ нимъ не пожаловали, мы отправились въ дальнѣйшій путь; проѣзжая чрезъ опустошенный городъ Богородскъ, не видали въ немъ ни одного человѣка. Во всѣхъ домахъ стекла были выбиты, ворота разломаны и бумаги разбросаны по улицамъ. Глубокая рѣка Клязьма остановила насъ на нѣсколько, ибо на ней не было моста,—и можетъ быть мы бы долго промедлили, если бы два добрые человѣка не указали намъ, гдѣ лошади съ телѣгами могутъ проплыть вплавь, а насъ самихъ перевезли въ лодкѣ и не взяли съ насъ за перевозъ, а велѣли только поминать о здравіи *Алексѣя* и *Василія*,—дай Богъ имъ доброе здоровье за оказанную милость!

Шерапово.

6 числа октября прибыли мы въ село Шерапово (Владимірской епархіи,—отъ Виѳаніи въ 8 верстахъ) къ священнику Сергѣю Алексѣеву.—И сей добрый іерей не заставилъ насъ долго стоять у воротъ и у дверей, принялъ насъ подъ кровъ свой, напоилъ и накормилъ насъ и отвелъ намъ особенную хибарку. 10 числа въ 3 часа ночи мужики, на гумнѣ молотя, услышали два сильные удара, отъ коихъ земля тряслась, и отъ страха перестали молотить. На другой день сходили мы съ В. М. къ Троицѣ Сергіевой и тамъ узнали, что Французы дѣлаютъ въ Москвѣ взрывъ, и наша армія вся стоитъ около Москвы, а казаки уже вбѣгаютъ въ улицы Московскія. Мы, воздавши благодареніе въ Троицѣ славимому и всещедрому Богу за оказанныя милости и покло-

нившись мощамъ преподобнаго Сергія, дивнаго о насъ молитвенника, чрезъ Виѳанію пошли домой въ Шерапово. Дорогою разошлись оба врозь; онъ пришелъ прежде, а я очень много времени спустя пришелъ, претерпѣвши на дорогѣ разныя непріятности: проходя черезъ рѣку чуть-чуть было не утонулъ, просился ночевать въ Ситниковой деревнѣ,—не пустили и почли меня за шпіона.—Но слава Богу! Богъ принесъ къ женѣ ночевать благополучно.

Походъ въ Москву.

Не болѣе одной недѣли прожили мы въ этомъ селѣ и черезъ день ходили къ Троицѣ и узнавали отъ тамошнихъ духовныхъ начальниковъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ Москвѣ.

Наконецъ 12 числа октября узнали мы, что непріятель, сожегши, разоривши и опустошивши Москву, бѣжалъ изъ нея, будучи выгнанъ нашимъ Россійскимъ войскомъ. Спустя два дня, т. е. 14-го мы съ В. М., взявши мѣшечекъ сухариковъ и хлѣбца, пошли въ Москву узнать о происшествіяхъ и о родныхъ, тамъ оставшихся, а нынѣ своихъ мы оставили въ Шераповѣ съ тѣмъ, что если обрѣтемъ мѣсто для жительства, и если нѣтъ въ Москвѣ опасности, то или увѣдомимъ письмомъ, или кто нибудь изъ насъ придетъ самъ за ними и ихъ привезетъ.

Обгорѣлая Москва.

15 октября пришли мы къ Крестовской заставѣ;—страхъ и ужасъ объялъ всѣ члены наши!.. Не видно ни одного деревяннаго дома—все истреблено огнемъ, однѣ высокія печи и каменныхъ домовъ закоптѣлыя стѣны стоятъ въ мрачномъ дымѣ и смрадѣ. По грязнымъ улицамъ вездѣ валяются тѣла мертвыхъ людей, лошадей и собакъ. Отъ зловонія зажимали мы ротъ и носъ и едва могли добресть до Казанскаго Собора, ибо чувствовали круженіе головы и тошноту. Тутъ раз-

дѣливши остальные отъ дороги сухари, мы простились и пошли всякій къ своей церкви.

Боже мой! вездѣ видны слѣды звѣрскаго и ужаснаго опустошенія, неистовство, поруганія даже надъ святыми; въ Казанскомъ Соборѣ въ алтарѣ лежитъ мертвая лошадь, весь соборъ полонъ навозу.—Чехаузъ и Никольская башня взорваны, только образъ угодника Николая и стекло цѣлы остались; — по самое стекло какъ будто отрѣзана была эта башня. Угольная Боровицкая башня, на набережной три башни малыя, также Ивановская колокольня, гдѣ висятъ большіе колокола, все превращено въ кучи камней; въ Китаѣ-городѣ ряды всѣ выжжены, а у лобнаго мѣста уже стояли возы съ хлѣбомъ печенымъ и калачами. Деревянныхъ мостовъ не было ни одного. Проѣдши черезъ Каменный мостъ, едва могъ узнать свою Толмачевскую церковь: всѣ церкви Замоскворѣцкія обгорѣли и закоптѣли, гдѣ было деревянное строеніе, тамъ едва видны слѣды онаго. И мое строеніе сравнялось съ землею, остались кирпичи печные, около коихъ горѣлъ огонь, да яма погребная. — «Вотъ имѣніе мое, сказалъ я прослезившись и перекрестившись на церковь Божію! Но наказуя наказа мя Господь, смерти же не предалъ. — Да будетъ воля Твоя Господи! Твори, якоже хощеши» И потомъ взошелъ въ церковь. Новая горесть и печаль пронзили израненное сердце мое Это не церковь, думалъ я, а *вертепъ разбойниковъ*; полна разнаго народа разнаго чина и званія, дѣляющаго разныя разности. Кто плачетъ, кто смѣется, кто сидитъ, кто лежитъ, кто ѣстъ, кто пьетъ. А священникъ Иванъ Андреевъ подъ колокольнею въ палаткѣ лежитъ больной. Я проведши ночь въ церкви, утромъ вышелъ чѣмъ свѣтъ отрыть мое имѣніе, въ ямѣ подъ покоями лежащее, которое болѣе пяти недѣль уже тлѣло; но нигдѣ не могъ найти ни заступа, ни лапаты. Добрый старецъ Иванъ Дмитріевичъ Шапошниковъ, бывшій въ Толмачахъ тогда церковнымъ старостою, пріютилъ меня въ свой каменный подвалъ и далъ мнѣ половиву отколотой лапаты деревянный, коею болѣе трехъ дней я откапывалъ яму, по неудобству инструмента и еще потому, что очень горячо

было стоять ногами на ямѣ. Изъ четырехъ сундуковъ въ одномъ только кой-что сохранилось отъ огня, а въ прочихъ все обратилось въ трутъ и пепелъ. *Помощи мнѣ подать было некому. Одинъ священникъ*, родственникъ, бывъ на томъ мѣстѣ, *мимо идя*. Но добрый и милосердый самарянинъ г-нъ Шапошниковъ — чужой—принялъ и меня и мое обгорѣлое имущество, изъ лоскутковъ и тряпокъ состоящее, въ домъ свой. Тутъ то пришли мнѣ на мысль сіи священныя слова Богодухновеннаго Царя и пророка Давида—*ближніе мои далече отъ мене сташа*. Ужели всѣ родные сдѣлались хуже чужихъ? думалъ я, глядя на развалившіяся печи свои. Ужели въ семъ ужасномъ пожарѣ любовь и дружба родныхъ вся сгорѣла, и сердца ихъ стали крѣпче сихъ кирпичей, на которыхъ я теперь сижу? Нѣтъ! Теперь, возставъ пойду къ отцу и матери жены моей, Тимоѳею Дмитріевичу (Зацѣпскому діакону) и Дарьѣ Ивановнѣ. Гдѣ они? живы ли они? Каковы они? Не перемѣнились ли съ сею ужасною перемѣною? Не охладѣли ли сердца ихъ живши столь долгое время подъ открытымъ небомъ и въ холодное уже осеннее время? Не забыли ли дѣтей своихъ, жившихъ на странѣ далече?

Едва только подхожу къ ихъ церкви, они узрѣли меня издалеча,—поспѣшно подошли ко мнѣ, обняли меня и осыпали тысящами поцѣлуевъ. Слезы радости катились по ланитамъ нашимъ и вмѣстѣ мѣшались, сладостный восторгъ разливался въ сердцахъ нашихъ!—И мы въ безмолвіи долгое время глядѣли другъ на друга, не могши выговорить ни слова. Потомъ пригласили они меня въ лобазню обогрѣться и раздѣлить со мною свой остальной кусокъ хлѣба. *Дорога—очень дорога* для меня эта *милостыня* во время той моей скудости! *умру, ее не позабуду*. Одинъ благодѣтельный ихъ прихожанинъ (Ефимъ Гавриловъ Жуковъ) далъ имъ уголъ въ своемъ домѣ, а они и меня тутъ же пріютили. За сію великую милость да введетъ ихъ Господь Богъ въ Небесный Свой Чертогъ.—Въ семъ тепломъ уголкѣ наперерывъ разсказывали мы одинъ другому свои путешествія. Прошло не болѣе

недѣли—услышалъ я, что сестра моей жены, съ коею онѣ оставались жить въ Шераповѣ, пріѣхала въ Москву и мнѣ велитъ ѣхать туда за моею женою.—Я удивился таковому худому и безпорядочному ихъ распоряженію, и тѣмъ же вечеромъ съ любезнымъ большимъ шуриномъ Никол. Тимоѳеевичемъ отправились мы въ путь; снѣгъ, вьюга, вѣтеръ ни мало не могли остановить насъ на пути. У Креста до Троицы Сергіевой наняли было попутчика, но доѣхавши до Пушкина, на другой день утромъ рано лошади наши взбѣсившись ушли. И, слава Богу, по счастію нашему попались другіе попутчики и насъ къ обѣду довезли до Троицы, а оттуда—пѣшкомъ дошли до Шерапова.—Нельзя живо выразить и подробно описать той радости, которую тогда чувствовала жена моя.—Нанявши лошадей, помолились Богу и, поблагодаря хозяина (Шерапѳвскаго священника Сергѣя Алексѣева) за хлѣбъ и за соль, отправились мы всѣ трое въ Москву, и на другой день прибыли на Зацѣпу въ Жуковскій домъ къ любезнымъ и почтеннымъ своимъ родителямъ. Спустя однѣ сутки—Богъ мнѣ даровалъ перваго сына Михаила. По милости дѣдушки и новому внуку дали мѣсто во обители его. Братъ Д. М. и Настасья Даниловна Соловьева привели его въ православную вѣру.

Сообщилъ отецъ діаконъ Флоро-Лаврской, на Зацѣпѣ, церкви

Руфъ Іоанновичъ Соловьевъ.